

Давид Яковлевич Айзман

Ледоход

Давид Айзман

Ледоход

«Public Domain»

1904

Айзман Д. Я.

Ледоход / Д. Я. Айзман — «Public Domain», 1904

«Пароходика еще не было видно, но надъ зеленой стѣной высокихъ камышей, загораживавшей рѣку почти до самой половины, уже клубился жиденькій, бурый дымокъ, и на пристани поднялась лѣнивая возня. Люди и хлопотали, и галдѣли, что-то тащили и убирали, но замѣтно было, что все это они продѣлываютъ вяло, безъ увлеченія и интереса, по привычкѣ, изъ неодолимой необходимости, скучной и нудной. Даже ругались нехотя, и одинъ только пароходный агентъ, рыжій, кривоногій еврей, въ грязномъ, чесучовомъ пиджакѣ, съ изумительно длинными, отвисшими карманами, орломъ носился взадъ и впередъ и во всю глотку, съ видимымъ наслажденіемъ, оралъ и отдавалъ приказанія...» Произведение дается в дореформенном алфавите.

© Айзман Д. Я., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Давид Яковлевич Айзман

Ледоходъ

I

Пароходика еще не было видно, но надъ зеленой стѣной высокихъ камышей, загораживавшей рѣку почти до самой половины, уже клубился жиденькій, бурый дымокъ, и на пристани поднялась лѣнивая возня.

Люди и хлопотали, и галдѣли, что-то тащили и убирали, но замѣтно было, что все это они продѣлываютъ вяло, безъ увлеченія и интереса, по привычкѣ, изъ неодолимой необходимости, скучной и нудной. Даже ругались нехотя, и одинъ только пароходный агентъ, рыжій, кривоногій еврей, въ грязномъ, чесучовомъ пиджакѣ, съ изумительно длинными, отвисшими карманами, орломъ носился взадъ и впередъ и во всю глотку, съ видимымъ наслажденіемъ, оралъ и отдавалъ приказанія.

На пристани, — двухъ десяткахъ гнилыхъ, осклизлыхъ досокъ, — этотъ щупленькій чело-вѣчекъ былъ царемъ. Здѣсь была его сила и власть, и ужъ онъ пользовился этимъ счастьемъ, широко и съ упоеніемъ. Онъ командовалъ съ такой суетливостью, съ такой напряженной крикливой озабоченностью, какъ если бы и пристани, пароходнику, и всѣмъ людямъ, на немъ находившимся, угрожала немедленная и страшная опасность. Онъ бранился, угрожалъ, ужасался, раздавалъ подзатыльники, — и старый извозчикъ Онисимъ Заверюха, поджидавшій пассажировъ, не дерзалъ взойти на пристань, а скрывался на берегу, за будкой, и изъ этого безопаснаго далека, задумчиво поглядывая на орла въ чесучѣ, тихонько бормоталъ:

— Отто окаянный!.. Правду люди кажутъ: не агентъ, а гинтъ {По-еврейски — собака.}.

— Прочь оттудова! — горланилъ орелъ, указывая короткой рукой на молоденькую, лѣтъ семнадцати, дѣвушку, стоявшую на краю пристани. — Мамзель, потрудитесь оттудова прочь!.. Ишь, смотри-ка на нее! Думаетъ, когда въ шляпкѣ, такъ надо тамъ стать... Колотушку съ парохода будутъ бросать. Колотушка очень станетъ разбирать, кто въ шляпкѣ, кто въ платкѣ. Такъ по головѣ трахнеть — мое почтеніе...

Пароходъ выползъ, наконецъ, изъ-за камышей.

Гулко хлопая колесами и распространяя тяжелый смрадъ — смѣсь запаховъ машины, соленой рыбы и дыма, — грязненькій, убогій, съ хрипомъ, съ храпомъ, вздрагивая и покачиваясь, подошелъ онъ къ пристани и навалился ободраннѣвшимъ бокомъ на край ея. И оттого, что пассажиры — ихъ было десятка три — столпились на одной сторонѣ, хранящій Левіаѳанъ накренился на эту сторону, а другую быстро поднималъ кверху.

— Назадъ! На той бокъ, на той бокъ! — отчаянно затопалъ ногами агентъ. — Назадъ, мазепы, арестанты...

Пассажиры почти всѣ были палубные, — народъ бѣдный, обшмыганный и покорный. Классныхъ было всего трое: какой-то военный, сѣдоволосая дама съ четырьмя одинаковыми собачками и судебный слѣдователь, который былъ до того пьянъ, что сходя съ парохода чуть не свалился въ воду.

— Билеты ваши, билеты подавайте, черти, мазепы босоногіе... Благодарю васъ, барыня. Дама съ четырьмя собачками величественно прошла передъ агентомъ. — Билеты наготовьте!

Однимъ изъ первыхъ сошелъ съ парохода молодой чело-вѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, смуглый, худощавый, съ легкимъ пушкомъ на подбородкѣ, съ большими, ласково улыбающимися глазами. Онъ улыбался своей сестрѣ, — той самой молоденькой барышнѣ, которой только-что угрожалъ колотушкой распорядительный агентъ въ чесучѣ. Но дѣвушка еще не замѣтила пріѣхавшаго и, съ видимой тревогой, глазами искала его въ толпѣ на пароходѣ.

– Вотъ же я, Соня! – сказалъ молодой человѣкъ, и взялъ сестру за руку.

– Ахъ, Яковъ!

Они обнялись и крѣпко расцѣловались.

– Уходите-съ отсюда, уходите! – свирѣпо заораль вдругъ агентъ. – Отъ, нашли мѣсто гдѣ цаловаться! Что ты на нихъ скажешь, а!

Держась за руки, молодые люди отошли въ сторону.

– Здоровъ?.. Приѣхаль благополучно?

– Вполнѣ благополучно... Дома какъ?.. А ты ничего... выглядишь хорошо.

Въ глазахъ Якова, оглядывавшаго сестру, появилось то выраженіе безпокойства и тайнаго страха, которое часто бываетъ у человѣка, когда онъ близкому, горячо любимому существу, говоритъ слова ободренія, а самъ словамъ этимъ не вѣритъ, и весь холодѣетъ и сжимается оттого, что вѣрить нельзя...

– Да, мнѣ лучше, я поправляюсь... Ну что же, рассказывай, парижанинъ, говори: вѣдь много интереснаго видѣлъ.

– Господинъ... баринъ... пожалуйста чемоданъ... Извозчика надо?..

– Я повезу.

– Вотъ я повезу.

– Вотъ лучше я.

На пристани и на берегу, между извозчиками, шла уже отчаянная борьба за сѣдока, и человѣкъ десять накинлось теперь на Соню и ея брата. Рвали изъ ихъ рукъ чемоданы, рвали ихъ самихъ, тащили за полы, за рукава, расхваливали своихъ лошадей, свои фургоны, самихъ себя, и съ умоляющими нотами и жестами просили "дать заработокъ".

Яковъ остановился въ смущеніи: картина давно знакомая, хорошо знакомая; но за два года отсутствія онъ уже отвыкъ отъ нея, и теперь эта дикая борьба за грошовый заработокъ производила на него особенно гнетущее, почти ошеломляющее впечатлѣніе. Онъ стоялъ растерянный, и ему какъ то неловко и совѣстно было, что есть у него вещи, чемоданъ, подушки, что его упрашиваютъ, въ немъ нуждаются, что отъ него зависитъ "осчастливить" извозчика, предоставивъ отвозить себя...

– Господинъ... баринъ... дозвоьте... я дешево возьму, я отнесу ваши вещи.

Сѣдой, измученный еврей, фигуркой похожій на мальчика, угасшими глазами смотрѣлъ на Якова и протягивалъ къ нему руки, какъ въ молитвѣ.

– Я отнесу... за пять копѣекъ... до дому, до вашего, до самой квартиры... куда надо... куда захочете.

Но уже одинъ изъ извозчиковъ вырвалъ изъ рукъ Якова чемоданы и, взваливъ ихъ на свой фургонъ, сталъ взбираться на него самъ.

– Садитесь же, что ихъ слухать! Развѣ они что понимаютъ! Развѣ у нихъ кони! – весело горланилъ извозчикъ-побѣдитель. – Ползутъ, какъ вошь по струнѣ. А я васъ доставлю въ двадцать минутъ, въ одинъ моментъ... Посмотрите, какой фургонъ, прямо экспресный поѣздъ, и больше ничего... Садитесь, садитесь, сейчасъ увидите, какъ полетитъ.

Сѣдой еврей съ тоской и болью смотрѣлъ на чемоданы Якова, которыхъ ему бы, пожалуй, и не поднять, и губы его беззвучно шептали...

II

«Экспресный поѣздъ» тронулся.

Дорога шла вдоль рѣчного берега, и грязь была зѣсь такая, что лошади, жалкія и облѣзлыя, съ язвами на спинѣ и опухольями на шеѣ и колѣняхъ, еле вытаскивали ноги. Весной рѣка здѣсь разливалась и мѣсяца на полтора превращала окрестности въ непроходимую топь. И теперь еще, лѣтѣе, у камышей, сверкало обширное болото, гнилое и смрадное. Ядовитыя испаренія желтоватою мутью тяжело стлались надъ какой поверхностью, медленно, но неудержимо расползались по сторонамъ, обволакивали и городъ, и деревни и развивали въ нихъ злыя болѣзни...

Во время разлива къ рѣкѣ добираться приходилось "горой", и это было мученіемъ и для лошадей, и для людей. Къ концу апрѣля, когда подсыхало, ѣздили уже "низомъ" по мѣстности, которая не измѣнила своего вида съ самага того момента, когда ее создалъ Господь...

И теперь по этой мѣстности тащилось нѣсколько подводъ и плелись люди, изломанные и скрюченные подъ тяжестью огромныхъ узловъ...

Направо отъ дороги поднимался крутой, сѣрый обрывъ, усѣянный множествомъ небольшихъ камней. Здѣсь были каменоломни. Рѣзали камень, возили въ городъ, но тамъ онъ никому не былъ нуженъ, такъ какъ ужъ нѣсколько лѣтъ кряду были неурожаи, дѣла шли плохо, и никто не строился... Мѣстами къ дорогѣ подбѣгала открытая степь, и въ ней все было выжжено засыпано пылью, и только кое-гдѣ торчали умирающія стебли будяка, да одинокіе кусты колючекъ... Все вокругъ имѣло видъ убогій, жалкій, все говорило о нищетѣ, неустройствѣ, — и болью подавленности, и тоской умиранія вѣяло отъ разбросанныхъ мѣстами хатъ и отъ встрѣчавшихся изрѣдка человѣческихъ фигуръ...

— Такъ рассказывай же, — обратилась Соня къ брату. — Я такъ ждала тебя... Видѣлъ ты много... Видѣлъ Герцля?

— Видѣлъ...

Въ глазахъ дѣвушки отразилась не то зависть, не то нетерпѣніе.

— Необыкновенный онъ, правда? Удивительный?

— Ничего необыкновеннаго я въ немъ не нашель, — спокойно отвѣтилъ Яковъ. — Удивительно только то, что человѣкъ этотъ могъ увлечь за собой такъ много неглупыхъ людей.

Соня встрепенулась.

— Такъ!.. ты все прежній!.. На тебя ничто не вліяетъ, и ты все-таки противникъ сіонизма.

— А ты полагала, что если посмотришь на Герцля, то такъ сейчасъ же и перебѣжишь на его сторону? — усмѣхнулся Яковъ.

— Не могу я это слышать! — на лицѣ Сони появилось выраженіе острой боли. — Я ужъ вижу, въ чемъ дѣло: ты сейчасъ станешь мнѣ пѣть про "общую работу", про великіе идеалы всего русскаго народа, и все такое... А я тебѣ скажу, что все это слова, слова и слова... И химера.

— Разумѣется... Зато ужъ возсозданіе еврейскаго царства — не химера.

— Конечно, нѣтъ! — съ силой сказала Соня. — Это вещь трудная, страшно трудная, но это ни въ какомъ случаѣ не химера... Это не химера уже потому, что этого хочетъ народъ, — понимаешь? — весь народъ! А если чего-нибудь хочетъ цѣлый народъ, то онъ своего добьется.

— "Цѣлый народъ, цѣлый народъ"... Въ томъ-то и штука, что народъ вовсе не съ вами. Народъ хочетъ обновить свою жизнь, но народъ нисколько не стремится въ Сіонъ.

— Нѣтъ, онъ туда стремится! Онъ стремится туда, потому что лучше васъ, искалѣченныхъ, слабыхъ и сбитыхъ съ толку неврастениковъ, понимаетъ, что внѣ Сіона никакое обновленіе для него невозможно...

Соня очень походила на брата: тотъ же носъ съ горбинкой, тѣ же темные, выразительные глаза, тѣ же полныя губы и продолговатый овалъ лица. Но у нея щеки были впалыя, глаза

глубже, и лежали подъ ними густыя, синеватыя тѣни. И вся она была какъ-то нервнѣе, стремительнѣе брата, сосредоточеннѣе и строже. Въ голосѣ Якова порою слышалось сомнѣніе, иронія, – нѣжная, печальная иронія, та самая, которая не дешево обходится, которая рождаетъ въ сердцѣ и боль, и тоску, а иногда и холодное отчаяніе. Соня же сомнѣній не знала, не любила ни ироній, ни шутокъ, говорила всегда серьезно, а спорила съ горячностью, со страстью, съ вѣрой незыблемой. Она не любила недомолвокъ, презирала колебанія, рубила съ плеча, и ужъ если вѣрила или любила, то до самозабвенія, до абсурдныхъ словъ и поступковъ. Ея лицо, когда она спорила, дѣлалось строгимъ, суровымъ, глаза разгорались, разгорались и щеки, и при взглядѣ на нее становилось ясно, что переубѣдить ее, или даже только поколебать, невозможно такъ же невозможно, какъ не возможно сдѣлать холоднымъ огонь... И еще становилось ясно, что недолговѣчна она, эта хрупкая дѣвушка, съ узенькими плечиками, съ тоненькой шеей, съ голосомъ, въ которомъ и ненависть мятежника, и пламень пророка, и ужась передъ тяжестью жизни...

– И погоди, погоди! посмотришь, что будетъ съ нашимъ движеніемъ лѣтъ черезъ восемь, десять! – вскричала Соня.

III

Яковъ не отвѣтилъ. Но нѣсколько минутъ спустя, обводя задумчивымъ взглядомъ разстилавшійся впереди унылый пейзажъ, онъ глухо проговорилъ:

– Если бы нашлись знающіе, предприимчивые люди, какой отличный портъ можно бы здѣсь создать! А теперь хлѣбъ грузится за десять верстъ отъ города, по этакой вотъ дорогѣ, и доставка его отъ города до пристани стоитъ въ шесть разъ дороже, чѣмъ доставка отъ пристани до Лондона... Почти каждый годъ наводненія уносятъ у нищаго населенія послѣдній скарбъ... Потомъ все гнѣтъ, разлагается, мучаютъ лихорадки, тифы, мрутъ безъ числа... И голодовки, и безправіе, и насиліе, и темнота духовная... ужась!..

Соня молчала, но по лицу ея проходили какія-то странныя тѣни, и было видно, что слова брата ее раздражаютъ и злятъ...

Подвода поднялась на пригорокъ. Грязи уже не было, а носилась тучею густая, сѣрая пыль, и сквозь мутную пелену ея затемнѣли кривые и жалкіе домишки городка, тяжелый куполь собора и огромное зданіе тюрьмы...

Навстрѣчу плелась телѣга съ длиннымъ дышломъ, но лошадка была одна, и это напоминало искалѣченнаго однорукаго человѣка. На телѣгѣ пьяная баба издавала дикіе, пронзительные возгласы, – она не то плакала, не то пѣла, а мужикъ, тоже пьяный, оглашалъ воздухъ скверной руганью и дѣятельно стегалъ кнутомъ то по одинокой клячкѣ, то по бабѣ... И бѣлѣли вдали кладбищенскіе кресты и небольшая церковка, и отъ этого крики пьяныхъ людей казались чѣмъ-то непонятнымъ, неправдоподобнымъ...

– Наводненія, отсутствіе порта, тифы и вся эта нищета и уродства – мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла, – угрюмо проговорила Соня. – Ни малѣйшаго!

– Это легко понять, – усмѣхнулся Яковъ, – потому что наводненіе еврейскіе дома вѣдь обходить, и тифъ и лихорадки тоже вѣдь въ нихъ не проникаютъ... Что за ребячество, Соня! – повысилъ онъ голосъ. – Развѣ ты и въ самомъ дѣлѣ не видишь связи между этой общей неурядицей и положеніемъ нашего народа?

– Очень ясно вижу. Но я вижу и то, что когда вся неурядица исчезнетъ, и сдѣлается въ Россіи рай земной, намъ все таки будетъ здѣсь скверно.

Въ выраженіяхъ горячихъ и торопливыхъ Соня стала развивать свою мысль. Другіе народы никогда не сживутся съ евреями, – это доказано цѣлымъ рядомъ вѣковъ. Евреи много дѣлали для націй, среди которыхъ жили, двигали впередъ науку, искусство, совершенствовали формы общественной жизни, были всегда первыми въ рядахъ борцовъ за свободу, отдавали всю свою энергію, свои силы и дарованія, и жизнь, и за все это имъ платили потомъ жестоко-стями, кровавыми расправами, презрѣніемъ и гнетомъ. Евреи вездѣ были паріями, и теперь они тоже паріи, – даже въ самыхъ передовыхъ странахъ, даже тамъ, гдѣ они пользуются всѣми политическими правами. И такъ оно будетъ всегда, всегда... И выходъ поэтому ясенъ: домой, къ себѣ. И не жить больше среди чужихъ, и для чужихъ не работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.